

ИЗ ЗАПИСОК МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ Д.А. ТОЛСТОГО 1870–1880 ГОДОВ

Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) — государственный деятель, в 1865–1880 годах обер-прокурор Синода, с 1866 года — одновременно министр народного просвещения, в 1882–1889 годах — министр внутренних дел и шеф жандармов, коллекционер. По свидетельствам современников — один из интереснейших, сложнейших, парадоксальных людей своего времени. Его государственные способности, острый, наблюдательный ум признавали такие разные люди, как М.Погодин и И.Гончаров.

Почти полтора десятка лет, проведенных им на посту министра народного просвещения, оценивались неоднозначно. «Граф Толстой с Катковым создали целую систему школьно-полицейского классицизма с целью наделать из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно-оскопленных слуг царя и отечества. Этими глубоко продуманными мерами преподаны были обществу, особенно подрастающему поколению, прекрасные уроки противоправительственной конспирации, плодотворно и быстро разросшейся на возделанной правительством почве общественного озлобления» (В.О. Ключевский). «Министерская политика, утвержденная графом Дмитрием Андреевичем Толстым, была настолько плодотворной, что она стала фундаментом и благодатной почвой для взросления целого ряда поколений» (И.И. Срезневский). Такая полярность высказываний, а также сведения, содержащиеся в переписке Толстого с А. Норовым, М. Катковым, великим князем Константином Николаевичем, Н. Адлербергом и другими лицами, игравшими немалую роль в социальной и культурной истории 19 века, — вся совокупность материалов, рассеянных по разным источникам, дает немало оснований для того, чтобы сегодня по-новому осмыслить значение столь любопытной фигуры, понять деятельность одной из ключевых структур российского государства второй половины позапрошлого века.

С середины 1860-х годов Д.А.Толстой начал вести «рабочий журнал», куда с педантичной последовательностью вносил заметки, в котором комментировал события, факты, имевшие непосредственное значение для его деятельности. По этим записям можно восстановить не просто повседневный характер его работы, но и создать образ «министерской кухни», идеологии человека, в ру-

ках которого были сосредоточены все нити и рычаги образовательной власти. В «рабочем журнале» обнаруживаются заготовки постановлений, указов, рескриптов, которые затем обретали вполне официальный характер бумаг и министерских распоряжений. Практически ежедневно обращаясь к «журналу», Д.А.Толстой воспитывал в себе «дисциплину, столь необходимую на его посту». «Журнал заменял ему целый штат помощников и секретарей» (К.П.Яновский. *Жизнь и деятельность моя в Петербурге в 1871-1876 гг.* РГАЛИ, ф.1337, оп.1. ед.хр.308). Ряд «журнальных» набросков стал позднее основой воспитательной и образовательной программы Министерства народного просвещения, возглавляемого Д.А.Толстым.

Фрагменты публикуются впервые по материалам РГАЛИ (ф.432, 1335, 1337).

Можно знакомить гимназиста с порядками, учреждениями, среди которых ему придется действовать, с людьми, с которыми ему придется иметь дело по выходе из школы, объяснять ему, что значат, для чего назначены и как сложились эти порядки, учреждения, как воспитаны и к чему стремятся эти люди. Здесь нет ничего преждевременного: человеку, готовящемуся вступить в действительную жизнь, отчего заранее не показать обстановку предстоящего ему пути? Это только поможет ему тверже идти по нему. Но говорить гимназисту о понятиях, чувствах и впечатлениях, которые возникнут в нем только по выходе из гимназии, на самом пути действительной жизни, заранее внушать ему, как он после должен относиться к тому или другому, — это значит разучивать жизнь, как разучивают театральную пьесу, натаскивать гражданина до гражданского возраста, как натаскивают охотничью собаку до настоящей охоты, внушать школьнику идеи и ощущения прежде, чем он в состоянии перевести их в действия воли. Это просто значит делать из человека либо актера, либо автоматическую машинку, положить ему в рот фальшивые макароны и заставить их жевать, как настоящие, или еще хуже — положить настоящие и сказать: «Жуй, но держи пока во рту, а проглотишь завтра, когда будет аппетит (когда придет время обеда)». До каких педагогических и прямо безнравственных выводов можно дойти, идя последовательно таким путем мышления! В воспитании надобно различать общие средства, которыми запасаются в школе для удовлетворения всяких потребностей, могущих возникнуть на жизненном пути, и специальные потребности, ожидающие человека на этом пути. Дать эти средства — задача школы; пробудить эти потребности в школьниках значит заменить преподавание политической гимнастикой.

Заметки по поводу съезда историков в Мюнхене, июнь 1878.

Доселе верили в общеобразовательное значение истории, как всякой науки, и в преподавании ее старались возбуждать мысль, образуя ум, питать нравственное чувство образцами доблестей и ужасами пороков, но не действовали прямо на волю, не подготавливали к дея-

тельности практической в известном направлении, не дрессировали посредством изучения истории, предоставляя учащемуся самому добиваться конечных практических выводов и житейских приложений.

Теперь начали все чаще заказывать задачи и направления преподаванию. Общеобразовательное назначение предмета хотят подменить специальными назначениями. Прежде сыну сапожника преподавали обыкновенную общую историю, а не специальную историю сапожного мастерства. Недавно в Германии сверху поставили вопрос о преподавании истории, приспособленном специально к политическим надобностям именно немецкого имперского гражданина. Общие цели преподавания заменяются местными, конкретными, самосознание человека заменяется немецким политическим сознанием, нравственное чувство — национальным, человечность — патриотизмом. Сами по себе эти цели, как общие, так и частные, прекрасны, и ничего нет дурного в том, если они все достигаются разом, если немецкий гимназист из курса истории вынесет и исторически выправленное мышление, и немецкий имперский патриотизм. Тревожно то, что и наши записные патриоты теперь считают нужным говорить в таком же духе. Напрашивается целый ряд заключений, который теперь надо постоянно иметь в виду: значит, или общеобразовательные задачи, прежде удававшиеся преподаванию, теперь ему стали не под силу, или они надоели, потеряли кредит и понадобилось заменить их более грубыми, или прежнее преподавание было бесцельно и шло куда глаза глядят, или у истории по самому существу предмета нет своей собственной цели, а могут быть только посторонние прикладные.

Для каждой специальной цели нужны и особые приемы, своего рода специальный метод.

Преподавание — одно из средств воспитания, а в воспитании всего важнее знать, с кем дело имеешь и как его лучше сделать. Отечественную историю нельзя преподавать в высших классах гимназии так, как ее преподают в начальных, сельских и городских училищах, и наоборот. Многообразие преподавательской методики увеличивается еще оттого, что преподавание как воспитательное средство не останавливается на научной цели, а считает себя призванным готовить учащихся и к практическому применению приобретенных в школе научных познаний...»

В преамбуле к серии докладных записок (количеством 10) Александру II о студенческих волнениях в Московском, Петербургском, Харьковском и других университетах Д.А. Толстой развивал те же идеи о недостатках гимназического воспитания, о ложном понимании истории, преподаваемой в школьных курсах, и о прямой зависимости политической ситуации в высших учебных заведениях России от этих системных упущений и нестабильности. Он предлагал провести новую реформу гимназического образования, но назначение на новую должность помешало ему осуществить планы (РГАЛИ, ф. 1335, оп. 1, ед. хр. 210).